

УДК 94(571.16)

ББК 63.3(2Рос-4Том)53

Государственные меры по расторжению незаконных брачных отношений старообрядцев и эффективность данных мер на территории Томской губернии в XIX в.*

В.Н. Ильин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул, Россия)

State Measures to Terminate the Illegal Marriage Relations of the Old Believers and the Effectiveness of These Measures in the Tomsk Province in the 19th Century

V.N. Ilyin

Altai State University (Barnaul, Russia)
Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Barnaul, Russia)

Рассмотрен вопрос практики реализации государственных мер светских и церковных властей по борьбе с незаконными брачными отношениями старообрядцев на примере Томской губернии в XIX в. Автором изучен богатый комплекс уникальных архивных данных, что позволило выявить специфику исследуемого объекта в рамках конкретного региона. В частности, выявлено, что инициаторами в возбуждении дел по незаконным сожителствам в первую очередь являлись местные служители официальной православной церкви. При этом они требовали от светских властей более решительных мер, именно административного характера в борьбе со сводными браками староверов. По убеждению имперских властей сводные браки способствовали «росту раскола», поэтому одним из эффективных методов ослабления склонности к «расколу» является именно разлучение лиц, сошедшихся сводным браком. Процесс этот совершался часто с применением грубых полицейских мер. Однако в конечном итоге имперские чиновники и церковно-священнослужители вынуждены были констатировать, что ни духовные убеждения, ни силовое воздействие не приносили ожидаемых результатов.

Ключевые слова: старообрядчество, сводный брак, Томская губерния, судебный процесс, расторжение брака.

DOI 10.14258/izvasu(2020)2-06

The question of the practice of implementing state measures of secular and ecclesiastical authorities to combat the illegal marriage relations of the Old Believers on the example of the Tomsk province in the 19th century. The author has studied a rich complex of unique archival data, which made it possible to identify the specifics of the object under study within a specific region. In particular, it was revealed that the initiators in initiating cases of illegal cohabitation, primarily, were local ministers of the official Orthodox Church. At the same time, they demanded that the secular authorities take more decisive measures, namely of an administrative nature, in the fight against the consolidated marriages of the Old Believers. According to the firm conviction of the imperial authorities, unified marriages contributed to the “growth of the split,” and, accordingly, in their opinion, one of the effective methods of easing the tendency toward a “split” is precisely the separation of persons who have married together. This process was often carried out using harsh police measures. However, in the end, imperial officials and clergymen were forced to state that neither spiritual convictions nor forceful influence brought the expected results.

Key words: the Old Believers, unified marriage, the Tomsk province, litigation, divorce.

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Церковно-государственная реформа середины XVII в. сопровождалась тотальным искоренением русского православного традиционализма, следствием которого стало появление многомиллионного контингента «чуждых» для собственного государства староверов. Два с половиной столетия старообрядцы однозначно воспринимались имперским правительством в первую очередь как враждебная сила государству, якобы имевшая потенциальную склонность к антиправительственным выступлениям. Соответствующей была и политика в отношении старообрядческих семейно-брачных отношений [1, с. 1–20]. Вопрос государственно-конфессиональной политики в отношении староверов в Российской империи является актуальным в российской исторической науке, о чем свидетельствует достаточно большое количество научных работ, посвященных данной проблематике. Тема государственного регулирования брачно-семейных отношений представляет сегодня особый интерес, так как соотносится с современными задачами и потребностями общества — обеспечение гармоничного сосуществования различных конфессий в единых территориально-правовых рамках [2, с. 50–52; 3, с. 9]. Особый интерес представляет вопрос практической реализации имперских законов в отношении брачно-семейных отношений в рамках конкретной территории. Соответственно, объектом исследования выступают конкретные меры по расторжению незаконных (именно незаконных) брачных отношений старообрядцев, применяемые имперскими властями. Территориальные рамки представлены Томской губернией. При написании статьи были использованы уникальные архивные данные, что позволило усилить анализ и доказательную базу выводов. Важно отметить, что многие из использованных архивных источников впервые были введены в научный оборот. Также научной новизной является то, что проблема рассмотрена именно в рамках Томской губернии.

До закона от 19 апреля 1874 г. старообрядческие браки юридически не признавались. Венчание в официальной церкви для старообрядцев было невозможно, так как по условиям закона им «пред венчанием надлежит дать присягу быть в православии твердыми и с раскольниками согласия не иметь» [4, с. 1232–1242]. Браки старообрядцев, заключенные по их обрядам (т.е. неофициальные), именовались как «сводные браки», которые, по убеждению светских и церковных властей, представляли собой «особое проявление раскола» и представляли собой «публичное оказательство раскола», а также пагубно влияли на общественную нравственность [5, с. 1098–1100].

Правительством принимались соответствующие меры по ликвидации противозаконных и вместе с тем «противных правилам святых Апостолов»

старообрядческих браков [6, л. 16]. «Операция эта сопровождалась крайне прискорбными и гнусными сценами, — писали периодические издания тех лет, — у раскольников, обвенчанных по-своему уже несколько лет и имеющих детей, отбирают жен, отсылают к родителям и устраивают волостной надзор» [7, с. 1236].

Важно привести характерные примеры: 5 февраля 1860 г. Бийский окружной суд по делу «О сводном браке Александра Медведева с девкой Екатериной Плесовских» постановил: «Брак расторгнуть, детей от сего брака причислить к семейству матери, обязав отца обеспечить их содержимое, обязать местное духовенство сделать подсудимым увещание об обращении их из раскола в православие» [8, л. 137].

Другой характерный пример: в 1868 г. Томская духовная консистория в переписке с Бийским земским судом указала, что крестьяне Никифор Басаргин и Федора Бунькова сошлись сводным браком. Оба значились представителями официального православия. Со стороны священнослужителей им было сделано увещание «оставить блудное сожителство» и венчаться в церкви, однако пастырские усилия оказались безуспешными, вследствие чего епархиальные власти просили распоряжения со стороны светских властей о «немедленном разлучении от блудного сожителства». Сводный брак был разведен [9, л. 3–4].

Также в 1872 г. на заседании Томской духовной консистории был заслушан рапорт протоиерея Алексея Шаврова «о сводном раскольническом браку» крестьянина Бийского округа Владимирской волости деревни Быструха Федора Васильева Акинтьева с девкою Паисией деревни Черемшанки, по итогам которого духовные власти обратились в Томское общее губернское управление с требованием сделать распоряжение о разлучении данного сводного брака [10, л. 7]. «Страшную, разрушительную трагедию для старообрядцев несло непризнание правительством их браков, — считает выдающийся старообрядческий писатель и полемист Ф.Е. Мельников, — сколько вследствие сего было семейных драм, сколько имущественных ссор, наследственных дряг и т. п.» [11, с.115].

Важно отметить, что представленные выше примеры далеко не единичны. В документах Бийского земского суда за 1864 г. отмечено: «Случаи сводных браков бывают часто, дела об них весьма многогласны, так в настоящее время в производстве Бийской земской полиции семь дел, в которых заключается от 110 до 200 браков. При исполнении приговора по одному из таких дел случается разлучить несколько браков в одной деревне» [12, л. 14]. Например, в 1867 г. состоялся суд над 200 крестьянами Крутоберезовской волости, которые «сошлись сводными браками по благословию родителей без обрядов церкви». В соответствии с пригово-

ром эти браки были «признаны недействительными, дети от этих браков как незаконные были причислены к семьям матерей» [13, л. 170–171]. Та же участь постигла старообрядцев, живших «сводным браком» (всего 32 человека) Крутоберезовской волости с. Секисовского [12, л. 13; 13, л. 176–177].

Так как многие староверы официально (формально) числились представителями казенного православия, то подобные браки правительством рассматривалось как «уклонение и совращение в раскол». Церковные власти обязаны были подвергнуть «уклонившихся увещанию таким образом, чтобы те осознали свое заблуждение» [8, л. 137]. После этого на них накладывалась епитимия за «любодейное сожитие в отвергаемом церковью браке» [14, л. 3]. Таким образом, применялись методы духовно-нравственного убеждения. К примеру, в 1862 г. крестьянин Кузнецкого округа д. Лебедевой Иван Анкудинов вступил «в незаконное сожитие по раскольническому обряду» с крестьянкою дочерью из д. Желтоногиной. По церковным документам оба значились «никонианами». Поэтому по отношению к ним были приняты меры «духовного убеждения о том, чтобы они или оставили блудное сожитие или повенчались по уставу св. церкви» [15, л. 4, 13]. В 1869 г. были расторгнуты сводные браки крестьян деревни Усть-Калманки Кирилла Кабакова, Федота Медведева, Александра Медведева и деревни Верх-Калманки Кирилла Белобородова. После увещания эти крестьяне дали свое согласие и подписки на венчание в православной церкви [16, л. 6].

Вместе с тем «совратители» по закону подлежали уже уголовному преследованию [7, с. 1236]. Под данную категорию попадали уже не только старообрядческие наставники, совершившие обряд, но и родители за «сводничество». Например, в 1876 г. за «блудное сожитие» были преданы суду крестьянин деревни Александровки Николаевской волости Елисей Кондратьев Агалаков и крестьянская девка деревни Романовой Белоярской волости Аграфена Киприянова Новоселова. Приговором Барнаульского окружного суда заключено: 1. Родителей «за уклонение из православия в раскол поморской секты, за воспитание своих детей по обрядам раскола и в дозволении детям своим вступить в сводный брак подвергнуть назиданию в истинной вере чрез местного священника». 2. Подсудимых, которые с согласия родителей, но без совершения таинства брака сошлись — «развести и отдать обратно родителям, обязав при том подпискою, чтобы они на будущее время, на совместное жительство не сходились под опасением за то законного взыскания». 3. За уклонение подсудимых в «раскол» подвергнуть назиданию в «истинной вере». 4. Сделать духовному начальству убеждения «совратившимся», а именно «Новоселовой к окрещению дочери ее (1 год)

чрез православного священника. 5. Совращенных, как крещенных по правилам православной церкви, подвергнуть церковному покаянию по распоряжению духовного начальства» [17, л. 3–4].

Другой характерный пример привлечения родителей к ответственности датируется октябрём 1878 г. На имя епископа Петра поступил рапорт священника Василия Кармальского, в котором тот донес о том, что «бывшие православные, а ныне уклонившиеся в раскол» четыре крестьянина «свели своих детей на блудное сожитие». По поручению епархиальных властей Василием Кармальским были сделаны увещания оставить «блудное сожитие», однако к назиданию «виновные» остались глухи. Епархиальные власти обратились к начальнику губернии с требованием принять меры к разлучению, а родителей привлечь к ответственности за уклонение и совращение в раскол [18, л. 1–4].

Инициаторами в выявлении и возбуждении дел по незаконным сожитиям в первую очередь являлись местные служители официальной православной церкви. Данный факт был отмечен в ежегодном отчетном периодическом издании «Обзор Томской губернии» за 1891 г. (в рубрике «О состоянии томского раскола») [19, с. 39]. По мнению «Недели» (газеты тех лет), именно жалобы и доносы служителей официальной церкви «вызывали полицейские меры и приказания губернского начальства расторгать сводные браки сибирских раскольников» [7, с. 1236]. В своем рапорте на имя губернатора посредник Мамонтов также писал о подобной активности священника Елбанского прихода В. Покровского: «волостные правления Барнаульское и Нижне-Чарышское завалены его жалобами и доносами на раскольников и, ввиду массы бумаг такого рода, пришли в большое затруднение» [20, с. 163]. При этом служители официальной православной церкви требовали от светских властей более решительных мер в борьбе со сводными браками староверов. Причт с. Анисимовского в своем рапорте за 1877 г., например, выразил недовольство тем, что полиция в области разлучения сводных браков действует без должного усердия [20, с. 160]. Подобного мнения придерживался и церковник И. Смирнов [21, л. 138].

В решении вопроса о «сводных браках» представители Русской православной церкви часто были сторонниками в первую очередь административных методов как более действенных, так как способы убеждения, по их мнению, «оставались безуспешными» [15, л. 4, 13]. Данная позиция была обозначена на страницах официального губернского издания [22, с. 19]. Тот факт, что старообрядческие «сводные браки» с точки зрения закона и официальной церкви не имели юридического статуса и силы, очень часто использовался чиновниками и представителями офи-

циальной Церкви для обоснования формулировки данному православному направлению как ересь, секта [11, с. 115]. Кроме того, по мнению епархиальных властей, именно сводные браки способствуют «уклонению в раскол» [22, с. 19]. Например, в 1876 г. священники села Коуракского в рапорте благочинному №7 Георгию Даеву писали о «пагубном воздействии сводных браков» на прихожан: «крестьянин наш Кузнецкого округа деревни Россолкиной Яков Яковлев Исаков, православный, выдал внучку свою девицу Анастасию, православную же от рождения, в блудное сожительство по обряду раскольников беспоповщинского поморского согласия за крестьянина д. Желтоногойной Петра Семенова Заворина. Признавая поступок Якова Исакова противозаконным и крайне соблазнительным для прихожан нашей церкви, зараженных расколом, от которых таковым поступком можно ожидать всеобщего сводного блудного сожительства или положительного уничтожения законного брачного союза, заключающегося чрез совершение Таинства брака в Святой Церкви» [23, л. 5–6]. В этом же году поступило еще четыре аналогичных рапорта от священников о сводном браке их прихожан на имя благочинного [23, л. 9–12]. 17 июня 1867 г. на имя епископа Алексия поступил рапорт священно-церковнослужителей села Ново-Обинского Бийского округа, в котором было сказано: «Крестьяне Ильиных и Налимова живут сводным браком по раскольническому обряду, что стало соблазном и для других прихожан — появилось уже шесть сводных браков. Даже православные начали сходиться сводом. Что же ожидать после этого от зараженных расколом? Есть слухи, что многие хотят женить сыновей своих и отдать дочерей сводом» [24, л. 1–2].

Стоит отметить важный момент: очень часто отдельные представители местного чиновничества и другие противники «раскола» вынуждены были признать, что принимаемые методы борьбы со «сводными браками» иногда бывают «чересчур грубы и жестоки». Весьма наглядной в этом вопросе является характеристика методов и приемов местных светских и церковных властей по устранению незаконных старообрядческих браков С.И. и Н.С. Гуляевых, которую следует привести целиком: «... сводные браки, как особенно заметное обнаружение раскола, вызвали строжайшие преследования раскольников в различных видах и формах. Духовенство формальными требованиями обязывало волостных и сельских начальников разводить сводные браки, т.е. развозить по разным деревням, живущих иногда по несколько лет сводным браком и имеющих от этих браков по несколько человек детей, и строго следить, чтобы разведенные таким образом вновь не сходились на «блудное житие». Заседатели, в силу будто бы полученного откуда-то распоря-

жения, занимаются разведением сводных браков с более сложными и тонкими вариациями. Один, например, построил следующий силлогизм: сводный брак заключается брачующимися с согласия их родителей, но сводный брак есть незаконный брак; а если он не признается законным браком, то ни что иное как блуд; следовательно, родители благословили детей на сводный брак, способствовали блуду. Путем такого умозаключения он привлекает родителей к суду... за сводничество. Другой заседатель, не столько тонкий юрист, как первый, действует далеко проще. Он вызвал до 20 женщин, находящихся в сводном браке, и засадил их в волостную тюрьму, где держит до 2 и 3 недель, несмотря на то, что у них дома в разных деревнях остались грудные дети. Несмотря на то, что мы привыкли ко всякого рода расправам, — подобные факты и нам нестерпимы» [25, л. 61]. При этом стоит обратить внимание на очень важный факт — С.И. Гуляев и Н.С. Гуляев значатся в списке братчиков противораскольнического Братства Св. Димитрия Ростовского, записавшихся при открытии 18 августа 1885 г. отделения братства в Барнауле [21, л. 176; 26, с. 157–161].

О преследованиях старообрядцев, заключавших брак по канонам своей веры, писало и центральное периодическое издание «Современные известия» от 1879 г. в №261: «в Бийском округе, расположилось старообрядческое поселение по р. Бухтарме — Усть-Каменогорск. Заселили они эту местность еще с 1750 г., жили мирно и трудолюбиво, но молились по старине. И вот началось против них гонение: отыскивают у них попов, запрещают им богослужения, особенно потрясающими сценами сопровождаются расторжения браков. Некоторые старообрядцы живут семьями по несколько лет и имеют кучи детей; и вот семейство разведено, мать с детьми увозят от отца в другую деревню и отдают под наблюдение волостного начальства, нередко при этом она подвергается всевозможным оскорблениям. Семья лишается, таким образом поддержки отца. И такие супруги разводятся после десяти и пятнадцати лет брака. Производя следствие, заседатели позволяют себе самое бесцеремонное и грубое обращение: отбирают и жгут молитвенные книги, угрожают кандалами и т.п. В союзе с заседателями действуют доносцами и побуждают к преследованию старообрядцев и местные священники, заменяя этими доносами пастьерское обращение и действие проповедью» [27, с. 268–269].

О грубых методах административного решения проблемы сводных браков рассказывал Чудновскому в частной беседе мировой посредник Мамонтов, прослуживший на Алтае 15 лет: «Один из алтайских мировых посредников с узко-бюрократическим душком, некий Булыгин, в один прекрасный день, вдохновившись чиновничьим усердием, дви-

нул генерал-губернатору Хрущеву телеграмму о том, что он, Булыгин находит браки раскольников незаконными, а потому подлежащими расторжению. Хрущев же по телеграмме ответил, что он согласен со мнением Булыгина и уполномочивает последнего действовать по своему усмотрению». Мамонтов немедленно обратился к губернатору с протестом: «... по ревизским сказкам население разгруппировано по семьям, в каждой сказке поименованы все члены семьи, что же порвать нам ревизские сказки?» [28, с. 63–64]. Мамонтову удалось убедить Хрущева в неосновательности мнения его и Булыгина. Через две недели генерал-губернатор отменил свое распоряжение.

В 1868 г. исправляющий должность благочинного единоверческих церквей Бийского округа священник Иоанн Смирнов в рапорте на имя епископа Алексия приложил сведения сельских старост о крестьянах, сошедшихся на сводные браки, в общей сложности 25 браков. Помимо подробных сведений о виновных, в донесениях старост указан интересный факт — обряды совершались, как правило, ночью. Стоит предположить, что выбор времени не случаен — обряд проводился тайно, старообрядцы опасались огласки и последовавшего преследования со стороны светских и епархиальных властей [29, л. 1–8]. «В Сибири духовенство и гражданское начальство действовало против раскольников со всем пылким фанатизмом, какой только мог родиться от раздражения против раскольников», — писал по этому поводу известный исследователь С.И. Гуляев [25, л. 140].

Применение силовых способов расторжения старообрядческих браков светские власти объясняли и оправдывали тем, что «разойтись по первому предъявлению судебного приговора сошедшиеся браком никогда не бывают согласны» [12, л. 14].

Несмотря на применяемые административно-силовые действия по устранению сводных браков, представители судебно-полицейской системы были вынуждены констатировать их малую эффективность: «Судебные дела о сводных браках, так же, как и дела о совратившихся, остаются без последствий, по недостатку в следствии совершенных доказательств на действительность свода. Раскольники во избежание разлучения браков, придумывают различные способы уклоняться от преследования, например, мужчина намеревается жениться, уславливается с будущей своей женой в том, что он нанимает ее в услужение и потому сходятся; когда же возникают требования местных властей и духовенства, чтобы они разошлись, новобрачный объявляет, что у него не жена, а стряпуха, а если от этой четы родились уже дети, то на вопрос об них она отвечает, что прижила их с неизвестными проезжими людьми» — констатировал Бийский земский суд [12, л. 16]. В переписке Бийского земского суда с Томским общим губернским управлением о про-

изводстве следствий «по делам раскола» указано также, что «крестьяне сходятся большею частью с девками данного селения... и часто близкими соседями, и если удастся разлучить их, то разлучение существует только до тех пор, пока живет в деревне полицейский чиновник, а как только они выехали, разлученные опять сходятся и живут покойно до нового приезда чиновников» [12, л. 14об.]. Например, в 1866 г. священник села Панкрушихинского Петр Безсонов в рапорте Томской духовной консистории сообщил, что по его доносу силами земского заседателя был расторгнут сводный брак крестьянина его прихода Пафнутия Архипова с крестьянскою девкою Нижне-Кулундинской волости прихода Баевской Вознесенской церкви Федосьей Карасевой. Но спустя некоторое время разведенные снова стали сожительствовать сводным браком, несмотря ни на какие пастырские убеждения. Священник просил епархиальные власти приказать «чрез кого следует», чтобы «этот сводный брак, как противный правилам православной церкви, так и законам гражданским, или расторгнуть повторно, или — чтобы Пафнутий осыятил свою блудную жизнь с Федосьей законным браком в православной церкви» [30, л. 1–2].

Бийский земский суд признал факт низкой эффективности административных методов борьбы с незаконными браками староверов: «Так как православные священники возбуждают, а чиновники производят дела, привлекающие раскольников к суду, то к ним последние питают особенное нерасположение. При таких отношениях действия чиновников при производстве следственных дел, только раздражают раскольников и чрез это они делаются еще упорнее в своем заблуждении» [12, л. 18об.].

Позже, в 1874 г., на это обратил внимание и губернатор, заметив, что в «борьбе с раскольническими браками» важно вести разъяснительную работу с раскольниками силами церковно-священнослужителей, а так как многие прихожане не бывали у исповеди по 20 и более лет, указал губернатор, то именно духовенство, таким образом, своей недобросовестной работой «содействует умножению раскола». В предложении Губернскому правлению губернатор написал: «Родители, выдающие своих дочерей замуж сводным браком вопреки закону, вероятно, не знают того невыгодного положения, какое может оказаться впоследствии от подобного брака, не обеспечивающего будущности ни жены, ни детей, так как по закону дети, родившиеся от сводных браков, должны считаться незаконнорожденными, т.е. не имеющими права ни на фамилию, ни на имущество лиц, от коих произошли. Предполагая, что если родителям, выдающим своих дочерей на незаконное сожитие, разъяснить невыгодность подобных браков, то число таковых уменьшится, я имею честь просить Губернское правление сделать распоряже-

ние о припечатании вышеизложенного для всеобщего сведения в Губернских ведомостях». Публикация была произведена [20, с. 118].

Лишь с изданием закона «о раскольнических браках» от 19 апреля 1874 г. у старообрядцев появился шанс легализовать свою семью, официально оформить своих детей, избежать насилия со стороны властей. Однако просьбы старообрядцев «об отчислении от официального православия» со ссылкой на закон 1874 г., за редким исключением, не были удовлетворены, так как почти все они являлись «тайными старообрядцами», по документам числившиеся «православными». Закон же оговаривал право только так называемых коренных раскольников [3, с. 9]. Только по указу 17 апреля 1905 г. старообрядческие браки признавались официально, для того чтобы вступить в смешанный брак с православными, не требовалось предварительного присоединения их к православной церкви (что ранее было обязательным условием на основании ст. 33 Т. X, ч.1

Свода законов) [31, с. 23]. Старообрядцы стали уравнены в этом отношении с христианами инославных исповеданий.

Таким образом, по убеждению имперских властей, «сводные браки» представляли собой особое проявление «раскола» и способствовали «уклонению в раскол». Одним из самых эффективных методов борьбы с данным незаконным явлением, по мнению многих представителей светских и церковных властей, являлся насильственный развод старообрядческих браков. Однако ни духовные увещания, ни грубые силовые меры при расторжении незаконных брачных союзов староверов не принесли ожидаемых результатов. Также важно сделать вывод о том, что в проблеме гонений на старообрядчество в столь важном для каждого человека аспекте, как личная жизнь, ясно прослеживается незрелость правовой системы государства той эпохи, а также дискриминация по отношению к конкретной конфессиональной группе — старообрядчеству.

Библиографический список

1. Ильин В.Н. Церковный раскол и русский православный традиционализм // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. №4/1 (88). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-20.
2. Бежан Е.М. Законодательство о старообрядческих браках и семье и особенности его реализации в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Омский научный вестник. 2008. №5 (72).
3. Ильин В.Н., Маракулин Д.А. Государственно-правовое решение старообрядческого вопроса в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3(15).
4. Dashkovskiy P.K., Pjin V.N. The Legal Position of the Old Believers in the Context of Legislative Initiatives of the Russian Empire in the Last Third of 19th — Early 20th Century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. DOI: 10.13187/bg.2019.3.1232.
5. Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // Исторический вестник. №6. СПб., 1901.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 113.
7. Гонения на раскол в Западной Сибири // Неделя. 1878. № 38.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 735.
9. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 214.
10. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 522.
11. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 1: Поздняя древность — начало XX в.: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2014.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 45.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 621.
14. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2924.
15. ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 202.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 147.
17. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1283.
18. ГАТО. Ф.170. Оп. 2. Д. 1784.
19. Обзор Томской губернии за 1891 г. Томск, 1892.
20. Беликов Д.Н. Томский раскол // Известия Томского ун-та. 1901. Т. 18.
21. ГААК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.
22. Обзор Томской губернии за 1886 год. Томск, 1887.
23. ГАТО. Ф. 170. ОП. 2. Д. 1472.
24. ГАТО. Ф. 170. ОП. 2. Д. 64.
25. ГААК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 229.
26. Ильин В.Н. Противораскольническое Братство святителя Димитрия, митрополита Ростовского в Томской епархии // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. №4/2(80).
27. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999.
28. Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае (выдержки из дневника) // Северный вестник. № 9. СПб., 1890.
29. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 193.
30. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 14.
31. Полянский И. Старообрядцы и высочайший указ 17 апреля 1905 г. М., 1905.